Сильнее власти

18+

Мария Ларская

Бархатовы. Сильнее судьбы

Мария Ларская

Сильнее власти

«Автор»

2026

Ларская М.

Сильнее власти / М. Ларская — «Автор», 2026 — (Бархатовы. Сильнее судьбы)

Муж ушёл к любовнице и оставил мне неподъёмный долг.— Ир, ну ты же всегда выкручивалась. Ты сильная. Ты справишься, — сказал он на прощание.Ну надо же! Оказывается, я сильная. А я-то думала, что просто выбора нет.Два года я расплачивалась за его долги. Четыре работы, бессонные ночи и постоянный страх за дочь. И когда до свободы оставался всего один шаг, в моей жизни появился Владимир Бархатов.— Всё равно ты будешь моей, Ирина. Никуда от меня не денешься.— Только вот мне совершенно безразлично, что вы там себе решили.***Я привык получать желаемое. Деньги, власть, связи — в моём мире практически любую проблему можно решить. Вопрос лишь в цене.Но однажды появилась она. Я мог избавить её от долгов, защитить от опасности, подарить всё, о чём она даже не мечтала.Только одного не мог — заставить её остаться.Впервые в жизни я столкнулся с тем, что не подчинялось моей воле.Оказалось, есть вещи сильнее власти. И любовь — одна из них.

© Ларская М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Предательство 6
Глава 2. Долг 11
Глава 3. Отвественность 14
Глава 4. Дружба 18
Глава 5. Цена 22
Глава 6. Выживание 25
Глава 7. Интересный тип 29
Глава 8. Интересная особа 33
Визуалы героев 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Мария Ларская
Сильнее власти

Пролог

Ослепительная молния на мгновение озарила сеновал, выхватив из темноты деревянные балки под высокой крышей и золотистые россыпи сена.

И тут грянул гром. Так близко и оглушительно, что я невольно втянула голову в плечи.

Мужская рука, обнимавшая меня за талию, крепче прижала меня к себе.

Дождь барабанил по крыше с таким остервенением, словно собирался пробить её насквозь. Град подыгрывал ему, отстукивая собственную дробь, а ветер то и дело принимался за старые доски, испытывая их на прочность.

Ещё час назад я и представить не могла, что окажусь здесь.

Промокшая до нитки, с волосами, больше напоминающими мочалку, и в объятиях человека, которому, казалось, подчинялось всё на свете.

Кроме погоды, разумеется.

Да и с остальным, как выяснилось, тоже не всё было так просто.

Снизу донеслись голоса охранников. Один из них пытался поймать мобильную связь, другой обсуждал с хозяйкой, у кого в деревне есть телефон.

Насколько я поняла, ближайшие несколько часов нам предстояло провести здесь.

На сеновале.

Я едва удержалась от смеха.

Кто бы мог подумать!

Мужчина рядом со мной, привыкший к пятизвёздочным отелям, дорогим кабинетам и людям, беспрекословно исполняющим его распоряжения, теперь лежал на охапке деревенского сена, а его кашемировый джемпер выглядел так, будто им только что вытерли пол.

Впрочем, мой внешний вид наверняка был ничуть не лучше.

Я поёжилась. Он это сразу почувствовал.

— Замёрзла?

— Немножко.

Он притянул меня ближе, и я с удовольствием устроилась у него на плече. От мокрой одежды исходил холод, зато его объятия оставались удивительно тёплыми.

Новая вспышка молнии осветила сеновал, и вслед за ней над крышей оглушительно прогремело. Я испуганно подняла глаза.

— Не бойся, солнце моё. Я нас отсюда вытащу.

Я посмотрела на него и не выдержала — рассмеялась.

— Вообще-то мы сюда приехали, чтобы спасти тебя.

Он улыбнулся и крепче обнял меня.

— А ведь правда.

Я снова положила голову ему на плечо.

Правда.

Но была ещё одна. И о ней я пока никак не решалась ему рассказать.

Глава 1. Предательство

Февраль 1999 г. Брянск.

Мужа с любовницей я увидела среди красных сердец.

Ирония была настолько издевательской, что оставалось только поаплодировать.

Наше агентство оформляло ресторан ко Дню всех влюблённых. Последние два дня я рисовала эскизы, ругалась с электриком из-за гирлянд, передвигала декорации и следила, чтобы вся придуманная мной любовь нигде не отклеилась.

Настоящая, как выяснилось, отклеилась уже давно.

К пяти часам всё было готово.

Оставалось только сдать работу хозяйке ресторана.

С ней я до этого разговаривала только по телефону. Голос спокойный, уверенный. Денег — судя по бюджету — как у дурака фантиков. Сам ресторан ей, кажется, подарил богатый папа. Кто именно был её отец, я толком не знала, но наша начальница при его фамилии начинала говорить тише и улыбаться шире. В общем, люди серьёзные.

Ко мне подошла администратор.

— Ирина, хозяйка приехала. Хочет посмотреть зал.

— Уже иду.

Отложив ленту и вытерев руки о тряпку, я направилась за ней.

Хозяйку ресторана я увидела сразу. Высокая, светловолосая. Красивая.

Она стояла метрах в пятнадцати от меня с каким-то мужчиной. Мужчина стоял ко мне спиной, лица я не видела. Он держал хозяйку за талию.

Я уже шла к ним, когда мужчина наклонился к хозяйке и поцеловал её.

Нормально так. С чувством, страстно, прямо взасос. День всех влюблённых, всё по программе.

Хозяйка что-то сказала ему, мужчина засмеялся, обнял её крепче и притянул к себе поближе.

Не растерялся, в общем.

Потом он повернулся чуть в сторону.

Шаг сам собой замедлился.

Вадим! Мой муж.

Вот тебе и раз.

Но останавливаться было поздно. Хозяйка уже заметила меня, а я продолжала идти к ним, только теперь каждый шаг почему-то ощущался отдельно.

На Вадиме была дорогая тёмно-коричневая дублёнка. В свободной руке он держал чёрную кожаную барсетку — тоже новую. Раньше я не видела ни того, ни другого.

Хотя удивляться уже можно было перестать.

Последние месяцы у мужа с завидной регулярностью появлялись обновки.

Новая рубашка. Новые ботинки. Брюки. Даже дорогие часы.

А стоило мне спросить, откуда деньги, следовал один и тот же ответ:

— Ир, я с серьёзными людьми общаюсь. Мне надо соответствовать.

Очень убедительно.

Особенно когда дома я считала мелочь до зарплаты, зимние сапоги решила донашивать ещё один сезон, а перед магазинной полкой прикидывала, опять брать ножки Буша или всё-таки раскошелиться на сосиски.

Вадим между тем соответствовал.

И, судя по женщине рядом с ним, выяснилось, кому.

До них оставалось несколько метров.

Хозяйка уже смотрела прямо на меня.

Вадим тоже наконец меня увидел.

И вот его лицо стоило всего того цирка с сердечками, который я устраивала последние два дня.

Улыбка исчезла. Он побледнел, растерянно моргнул и на секунду так и застыл, всё ещё держа хозяйку ресторана за талию.

Я поняла, что он понял, что я всё поняла.

Полный атас.

Вот тебе и сдача проекта.

— Ирина? — хозяйка улыбнулась. — Наконец-то познакомились.

— Ир… — выдохнул Вадим.

— Не напрягайся. Я уже догадалась, что вы не смету обсуждаете.

Хозяйка тем временем спокойно меня рассматривала. Не смущённо — оценивающе.

Впрочем, посмотреть было на что.

Старые чёрные брюки. Старый серый свитер. Волосы собраны как попало. На одном сапоге снова отходила подошва. Я уже дважды пыталась приклеить её сама, потому что денег на ремонт обуви не было. Подошва упорно отказывалась входить в положение.

Раз уж началась такая экспертиза, я оценила её в ответ.

На ней была длинная норковая шуба, распахнутая настежь. Под шубой — безупречное платье, сидевшее так, будто его шили прямо на ней. Причёска — волосок к волоску. Идеальный макияж. Сапоги, наверное, стоили как моя зарплата за год.

Да уж. Контраст был явно не в мою пользу.

Она повернулась к Вадиму и с откровенным презрением кивнула в мою сторону:

— Так вот это твоя жена?

Потом снова посмотрела на меня.

— А я представляла её… не знаю. Поинтереснее.

Вадим поморщился.

— Кристин, не надо.

— Что «не надо»? — она пожала плечами. — Ты сам говорил, что она серая мышь.

— Кристин, хватит.

— Да ладно тебе, — она снова посмотрела на меня. — Если мужчина счастлив с женой, он к другой не пойдёт. Значит, ему дома чего-то не хватало.

Вот даже как.

Муж мне изменяет, а виновата, оказывается, я. Очень удобная система. Главное — правильно распределить ответственность.

— То есть это я сейчас должна перед вами извиниться?

— Я такого не говорила. Просто мужчину тоже надо уметь удержать.

Я посмотрела на Вадима.

Вот сейчас он наверняка скажет ей заткнуться. Объяснит, что пять лет брака вообще-то были не только моей обязанностью. Что ребёнка мы тоже делали вдвоём. Что если ему чего-то не хватало, рот у него всё это время прекрасно работал и разговаривать никто не запрещал.

Вадим молчал.

Ну конечно.

— Понятно, — сказала я. — Значит, не удержала. Бывает.

— Ира…

— Работу принимаете? — спросила я любовницу мужа.

Она лениво оглядела зал.

— Ну ладно. Пусть будет. Принимаю.

Вот спасибо, барыня. А то я уже переживать начала.

— Тогда акт у администратора, — сказала я и ушла, не дав им вставить ни слова.

До двери дошла нормально. Спину держала прямо.

А в коридоре дыхание вдруг сбилось, будто я не через зал прошла, а этажей пять пешком.

Постояла минуту, пока не отпустило, и вернулась в зал.

Собрала остатки гордости, ленту, крепления, коробки и два лишних красных сердца. Погрузила всё и поехала в агентство.

Сердца хотелось выбросить по дороге. Но они были подотчётные. Даже личная трагедия не освобождала от материальной ответственности.

В агентстве я сгрузила всё в подсобку, сдала бумаги и на вопрос начальницы, как прошла приёмка, ответила:

— Приняли.

Ага, приняли даже больше, чем заказывали.

Домой я добралась уже затемно. Дочь была у мамы.

Вадим уже был дома, он собирал вещи.

На кровати стояла открытая сумка, рядом — его рубашки и новые брюки.

Первым желанием было схватить сумку и вышвырнуть её вместе с Вадимом.

— Быстро ты.

Он обернулся.

— Ира, я не хотел, чтобы ты узнала вот так.

— Конечно. Гораздо приятнее было бы узнать из открытки.

Внутри всё кипело.

— Давно? — спросила я.

Он помедлил.

— С осени.

С осени. Пока я считала деньги на еду, он покупал часы и гулял с Кристиной. Я вспомнила его вечные «встречи» и поздние возвращения. Картина складывалась бодро.

Вот же скотина.

— Ты её любишь?

— Мне с ней хорошо.

— Не то спросила.

— Ир, какая теперь разница?

— Мне — большая.

Ответа не последовало. Тоже ответ.

— Ну да. Она вся такая звезда, а я — серая мышь в старых сапогах.

— Кристина не должна была так говорить, — промямлил он.

Я даже рассмеялась.

— Вот что тебя беспокоит? Что любовница невежливо обозвала жену серой мышью?

— Я не это имел в виду.

— А мышью меня кто назвал? Зачем ты ей это говорил?

— Да я просто сказал.

Просто.

Оказывается, некоторые вещи становятся совсем маленькими, если произнести перед ними слово «просто».

Просто изменял.

Просто врал.

Просто обсуждал жену с любовницей.

Он взял с кровати рубашку, скомкал и сунул в сумку.

— Я устал, Ир.

— От чего это ты устал?

Он обвёл взглядом нашу съёмную однушку. Обои отошли возле окна. Старый диван проваливался посередине. На батарее сохли детские колготки. На кухне гудел древний холодильник, который мы боялись лишний раз открывать — вдруг окончательно передумает работать. Линолеум возле кухни протёрся до основы, а дверца старого шкафа закрывалась только после хорошего пинка.

— Я устал так жить! Считать каждую копейку. Экономить. Выкручиваться. Я хочу по-другому. — К концу фразы он уже почти кричал.

Надо же. А я-то думала, мы оба так живём. Оказывается, мучился один Вадим.

— А я, по-твоему, от этого удовольствие получаю?! — сорвалась я.

— Ты ничего не хочешь менять. Работаешь своим дизайнером за три копейки и думаешь только о том, как дотянуть до следующей зарплаты. А у Кристины планы, идеи, связи. Она мыслит широко. С ней хотя бы можно говорить о будущем.

О будущем.

А ведь когда-то мы с Вадимом только о нём и говорили.

Мы с ним выросли в одном дворе. Вместе шлялись допоздна, участвовали в дворовых разборках, бегали на дискотеки, целовались в подъезде, слушали музыку на кассетнике и мечтали о светлом будущем. Романтика!

Мы мечтали, как накопим денег, купим квартиру. Как он откроет своё дело. Как отвезём Арину к морю. Как однажды перестанем считать деньги возле кассы.

Вадим всегда умел мечтать красиво. Идей у него хватало на троих. Я слушала и смотрела на него с восхищением.

И, конечно, любила. Сильно любила.

— Люблю, куплю и полетим, — говорил он.

Купить так ничего и не получилось. Полететь — тоже. Зато обещания у Вадима всегда были первоклассные.

Вот только судьба в итоге развернула всё довольно своеобразно: похоже, эта Кристина предложила ему примерно то же самое. Только у неё к словам «люблю и полетим» прилагались папины деньги.

И Вадим неожиданно выяснил, что мечтать гораздо приятнее, когда за мечту уже кто-то заплатил.

— То есть наше будущее тебе просто надоело ждать?

— Ира, не начинай.

— Нет, ты мне объясни. Мы пять лет выбирались из одной ямы вдвоём. А потом ты встретил Кристину и решил, что можно больше не выбираться. За папины деньги вообще классно мыслить широко. Можно даже не мелочиться.

Вадим зло дёрнул молнию на сумке.

— Завидуй молча, Ир. Тебе бы самой иногда не мешало хотеть большего.

Ага. Хотела я много чего. Но пока мои желания исправно оставались желаниями. Очень экономный способ жить.

— А Арина?

— Что Арина?

— При том, что ты сейчас не просто от меня уходишь. У тебя дочь есть. Три года, если забыл. Завтра утром она спросит, где папа. Что мне ей сказать?

— Не надо приплетать сюда ребёнка. Я Арину не бросаю.

— Правда? А что ты сейчас делаешь?

— Буду приезжать. Видеться с ней. Помогать.

— Когда тебе будет удобно?

— Ира, хватит.

— Нет, не хватит. Ты с осени трахаешь другую женщину, а вчера вечером сидел здесь с нами, ужинал и рассказывал Арине сказку перед сном. Ты хоть раз за всё это время подумал, что будет с ней, когда однажды просто возьмёшь сумку и уйдёшь?

— Она маленькая, Ира. Привыкнет.

Вот теперь мне захотелось его ударить.

— Собирай вещи, Вадим.

— Я и собираю.

— Быстрее. Пока я действительно не помогла.

Он взял сумку и вышел. Дверь захлопнулась.

Вот и всё. Пять лет брака закончились щелчком дешёвого замка. Даже как-то несолидно.

Мне было двадцать пять, Арине — три. В общем, жизнь только начиналась. Правда, совершенно не так, как я планировала.

Шмыгнула носом и разозлилась уже на себя. Вот ещё. Он ушёл к другой, а сопли опять мои. Несправедливо.

Сердито вытерла слёзы. Ну нет. Только не реветь вслед этому козлу. Ещё не хватало.

Я села на стул и сняла сапоги. На одном подошва снова отошла — теперь уже почти целиком.

Ну конечно. Даже обувь сегодня решила поддержать семейную традицию — развалиться к вечеру.

Подцепила подошву пальцем и зачем-то попыталась прижать обратно.

Не держалась. Сегодня вообще мало что держалось.

Тогда мне казалось, что за один день Вадим предал всё, что между нами было.

Меня. Наши мечты. Нашу дочь.

Я ошибалась.

Глава 2. Долг

Неделя после ухода Вадима прошла на удивление буднично.

В общем, всё шло по классике: развод и девичья фамилия.

Я плакала. Конечно, плакала. В основном по ночам. Потом умывалась, утром шла на работу и продолжала жить.

Мой отец умер несколько лет назад. Мама осталась одна и, несмотря на собственные проблемы со здоровьем, постоянно помогала мне с Ариной.

Я старалась лишний раз её не нагружать. Получалось не очень: мама всё равно забирала Арину из садика, кормила нас и делала вид, что ей совсем не тяжело.

На мой развод с Вадимом мама отреагировала неожиданно радостно:

— Ну и слава Богу. Всё равно толку от него не было. Переболеешь. И ещё спасибо скажешь, что ушёл.

Свекровь тоже была довольна:

— Кристиночка из хорошей семьи, с возможностями. С ней Вадим хоть в люди выбьется. Мужчину тоже надо уметь поддерживать, Ира.

Ага. Значит, я пять лет неправильно поддерживала.

Аренда квартиры заканчивалась через неделю, и мы с мамой решили, что я с дочкой перееду к ней.

Возвращение к истокам, так сказать.

***

В тот вечер я открыла холодильник. Литр молока. Пачка маргарина «Rama». Всё. До следующих денег оставалось четыре дня.

Я закрыла холодильник. Потом открыла снова. Нет. За прошедшие пять секунд продукты не размножились.

Ну ничего. Выживать я умела. Даже очень хорошо.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда я решала, какой шикарный ужин можно приготовить из этого набора продуктов. На ум пришла только манная каша. Опять.

Я открыла дверь. На площадке стояли двое.

Братки. Тут я ошибиться не могла. Спортивные куртки, короткие стрижки, тяжёлые лица. В девяностые таких я научилась узнавать раньше, чем милиционеров.

— Ирина?

— Да.

Один сунул мне под нос бумаги.

— Подпись твоя?

Я посмотрела. Да, моя. Красивая такая. Хоть сейчас в рамочку.

— Моя.

— Ну и всё тогда. Десять тысяч баксов — долг, два сверху — проценты. Итого двенадцать зеленью.

Второй тем временем молчал и разглядывал квартиру у меня за спиной. От его взгляда захотелось немедленно захлопнуть дверь и придвинуть к ней шкаф. Я машинально шагнула в сторону, закрывая ему обзор.

— Какие двенадцать? Вадим сказал, что всё вернул.

— Нам до фонаря, чё тебе Вадим наплёл. Бабки не вернулись.

— Но деньги брал он.

— А нам по барабану. С кого трясти нам плевать. Подпись твоя, значит, долг твой.

— У меня таких денег нет.

— Найдёшь. Послезавтра, в восемь. Старая овощебаза на окраине. Третий склад. Спросишь Серого.

— А если денег не будет?

Теперь заговорил второй:

— Твои проблемы. Бабок нет — значит, по-другому отработаешь. А кинуть нас вздумаешь — сами найдём. Адрес знаем.

Говорили они спокойно. Будто вопрос не в том, отдам я деньги или нет, а только в том, каким способом они их получат.

Они пошли вниз по лестнице.

Я заперла дверь на оба замка и проверила ручку.

Литр молока и пачка маргарина в холодильнике внезапно перестали казаться моей главной финансовой проблемой.

Откуда взялись эти двенадцать тысяч, я прекрасно понимала.

У Вадима всю жизнь была очередная гениальная «тема». Сегодня куртки, завтра сигареты, потом запчасти. Каждая — железобетонная. Каждая должна была вот-вот сделать нас богатыми. Вадим умел так рассказывать про будущие миллионы, что временами я сама начинала искать место, куда мы их будем складывать.

Но цена его предпринимательского гения ограничивалась нашими пустыми карманами.

И когда дело прогорало, обязательно находилась причина: партнёр подвёл, поставщик кинул, таможня задержала, рынок не тот. И уже через неделю у него появлялась новая идея. Ещё надёжнее предыдущей.

В августе девяносто восьмого очередной темой стала техника. Вадим собирался оптом привезти из Польши телевизоры, видеомагнитофоны и музыкальные центры, а здесь перепродать втридорога.

Он расписывал всё так уверенно, будто товар уже стоял у нас в комнате, а покупатели дрались в очереди.

Именно под эту очередную безотказную схему Вадим уговорил меня подписать заём на десять тысяч долларов.

Я прекрасно помнила, как появилась моя подпись на той бумаге.

Вадим положил передо мной договор и ручку.

— Ир, распишись здесь.

— Почему я?

— Так проще. У меня сейчас документы по другой сделке проходят. Это формальность.

Я посмотрела на сумму.

— Вадим, десять тысяч долларов — какая ещё формальность?

— Через два месяца закрою. Даже раньше. Товар продам — первым делом отдам.

— А если не продашь?

— Продам. Ир, ну ты чего? Мы же семья.

Мы же семья.

Я взяла ручку.

— Точно никаких проблем не будет?

— Тебя вообще это не коснётся.

Тогда этой фразы мне хватило.

И я подписала договор на десять тысяч долларов.

По тогдашнему курсу — около шести рублей тридцати копеек за доллар — сумма составляла примерно шестьдесят три тысячи рублей.

Через пару недель после того, как я подписала бумагу, случился дефолт.

Тогда курс доллара волновал меня меньше всего. У меня не то, что долларов — рублей толком не было. Казалось, уж меня-то вся эта история точно не касается.

Как выяснилось, ещё как касается.

К февралю девяносто девятого доллар стоил уже около двадцати трёх рублей. Те же десять тысяч превратились почти в двести тридцать тысяч рублей.

А с набежавшими процентами двенадцать тысяч превращались примерно в двести семьдесят пять тысяч рублей.

Моя зарплата была около тысячи ста рублей.

Двести пятьдесят зарплат.

Чуть больше двадцати лет работы.

Если, конечно, всё это время не есть, не пить и желательно не дышать.

Странная штука долг. Чтобы его получить, мне хватило одной подписи. Чтобы избавиться — требовалось двадцать лет жизни.

Причём самих денег я никогда не видела. Не тратила. Ничего на них не покупала. Деньги брал Вадим. Бизнес придумал Вадим. Вернуть обещал тоже Вадим.

Конечно, отдавать его должен был Вадим. Кто же ещё?

А если не отдаст?

И я прекрасно понимала: передо мной не банк. Здесь не пришлют три предупреждения, а потом не подадут в суд. Я слишком хорошо знала, как в девяностые выбивали долги. Людей били. Увозили. Иногда они вообще исчезали.

А следом за страхом пришла злость.

Вот же сволочь. Мало того что ушёл, так ещё непонятные долги за его великие идеи всплыли.

Но нет.

Деньги брал Вадим. Бизнес был его. Вернуть обещал он. Какая бы подпись ни стояла на бумаге, разбираться со своими кредиторами он будет сам.

Завтра я его найду, и он сам будет разбираться со своими кредиторами.

Тогда мне ещё казалось очевидным: человек должен отвечать за то, что делает.

Глава 3. Отвественность

На Вадима я выйти не могла. Сотового у меня, разумеется, не было, а где теперь обитал мой бывший почти-муж, я понятия не имела. У свекрови его тоже не оказалось.

Оставалась Кристина.

Очень хотелось обойтись без неё. Ещё больше хотелось не встречаться с Серым и выяснять, что именно братки подразумевают под словом «отработаешь». Приоритеты расставились быстро.

Пришлось ехать в ресторан.

Кристина вышла ко мне минут через десять. Вид у неё был победный. Похоже, в своей голове она уже выиграла Вадима, меня, семейную жизнь и, возможно, весь чемпионат области среди любовниц.

Она оглядела меня с головы до ног и растянула губы в довольной улыбке.

— Что, пришла просить, чтобы я тебе его вернула? — протянула она с явным удовольствием. — Даже не надейся. Не верну.

Вот ведь кикимора болотная.

Самое смешное — она действительно считала Вадима призом. Но она даже не представляла, что на её фронте я воевать не собираюсь. У меня теперь была проблема посерьёзнее.

— Оставь себе это сокровище. Только потом без обмена и возврата.

Улыбка у неё стала заметно скромнее.

— А я думаю, до тебя наконец дошло, кого ты потеряла. Вот и злишься.

— Дошло, Кристин. Причём гораздо больше, чем хотелось. Поэтому на Вадима не претендую. Мне с ним поговорить надо.

— О чём?

— О наших делах.

— Каких ещё делах? Вы уже не семья.

Надо же. Неделя прошла, а меня уже официально выписали из собственной пятилетней жизни. Быстро работают.

— Поверь, я тоже была бы счастлива, если бы вместе с мужем автоматически исчезало всё, что он успел натворить за пять лет. Но не повезло.

Теперь она смотрела на меня уже внимательнее.

— Что случилось?

— Тебя не касается. Мне с ним поговорить надо. У нас слишком много незакрытых дел.

— Он занят.

— Я тоже. Поэтому передай: разговор срочный.

Кристина помолчала, потом всё-таки согласилась:

— Ладно. Передам.

Вот и славно.

Ну спасибо тебе, Звезда Ивановна. Серая мышь премного благодарна.

***

Вадим пришёл вечером. Он снял дублёнку, повесил её в прихожей и вошёл ко мне уже с настороженным выражением лица.

— Ну? Что срочного?

— Ко мне вчера двое приходили.

Я коротко рассказала про братков и двенадцать тысяч долларов.

Чем дальше говорила, тем внимательнее следила за Вадимом. Ни удивления, ни вопроса, откуда они взялись. Только раздражение человека, которому сообщили о проблеме, про которую он давно знал и очень надеялся больше не вспоминать.

— Ир, там всё не так просто. Так сразу и не объяснишь.

— Конечно. Двенадцать тысяч долларов вообще очень сложная сумма. Особенно когда требуют её с меня.

Вадим сел напротив и начал объяснять. Августовская железобетонная тема всё-таки оказалась не железной, и совсем не бетонной. Деньги Вадим передал посреднику, который должен был закупить в Польше технику. Тот сначала тянул время, потом перестал отвечать, а после вообще исчез. Вместе с деньгами.

— Я думал, найду его. Или отобью на другой сделке, — закончил Вадим.

— И поэтому сказал мне, что долг давно закрыл?

— А что я должен был тебе сказать? Ты бы только панику подняла.

— Конечно. Десять тысяч долларов — сущий пустяк. Чего нервничать?

Он откинулся на спинку стула, уже явно жалея, что вообще пришёл.

— Ир, я пытался всё разрулить.

— Полгода?

Он раздражённо отвернулся.

— Все десять тысяч ему отдал?

— Не все.

Оказалось, деньги требовались на текущие расходы. Встречи. Рестораны. Одежду. Нужным людям нельзя было показывать, что у тебя в кармане последние сто рублей.

— А Кристине ты подарки делал? С этих денег?

— Не начинай.

—Я просто уточняю, куда делись мои десять тысяч долларов.

— Твои? — он вспылил. — Вообще-то деньги брались на нашу семью.

Вот здесь Вадим наконец оживился. Обвинить посредника было легко. Объяснять, почему за его бизнес теперь должна платить я, ему нравилось заметно меньше.

— А любовнице ты подарки делал тоже ради семьи? Поэтому часть семьи теперь живёт с Кристиной, а вторая часть должна двенадцать тысяч долларов братве. Всё логично.

— Ира, не перекручивай. Я правда пытался. Если бы всё получилось, ты бы сейчас по-другому разговаривала.

Аргументы просто класс!

— Но не получилось. А бумага почему-то на мне.

— Ты сама её подписала.

Вот тут меня словно пощёчиной приложило.

— Что?

— Ир, я тебя не заставлял.

Вот теперь меня понесло. Я даже встала из-за стола.

— Ах вот как?! Ты притащил мне очередную свою супертему, клялся, что через два месяца всё вернёшь, а теперь выясняется, что я сама виновата, потому что тебе поверила?!

— Я не говорю, что ты виновата. Мы оба понимали, что это бизнес. Там всегда есть риск.

— Ты понимал. Это был твой бизнес. Твой риск. Я понимала только одно: мой муж просит меня помочь и обещает за всё отвечать.

— Ира, что ты сейчас от меня хочешь?

— Для начала услышать: «Да, я всё испортил и сам буду это исправлять».

— И что от этой фразы изменится?

Я смотрела на него и постепенно начинала понимать, в чём проблема.

Для Вадима ответственность имела смысл только до тех пор, пока была удобна. Пока можно было обещать, строить планы, распоряжаться деньгами и рассказывать, каким богатым он скоро станет. Когда наступало время отвечать за результат, ответственность почему-то превращалась в нашу общую.

Но я всё ещё цеплялась за надежду, что хотя бы теперь он предложит какой-то выход.

— И что ты собираешься делать? — с надеждой в голосе спросила я его.

— Я не знаю.

Ну отлично. Не знает он.

— Так ты собираешься их возвращать?

— Сейчас не могу.

— Почему?

— У нас с Кристиной новый проект. Там всё только запускается. Деньги уже вложены. Если сейчас их вытащить, всё встанет…

Я даже дослушивать не стала.

— То есть деньги у тебя есть?

— Я же сказал: они вложены. Это не свободные деньги.

— Понятно. На новую жизнь деньги есть. На старые долги — нет.

— Не начинай опять про Кристину.

— Да мне плевать уже на Кристину! Ко мне домой пришли два мужика и сказали, что если денег не будет, я буду отрабатывать по-другому. Ты вообще понимаешь, о чём речь?

Вадим на секунду задумался, но даже это его не заставило изменить решение.

— Они тебя просто пугают.

— Отлично. Тогда поезжай завтра на овощебазу вместо меня и объясни им, что они просто пугают.

— Ир, не глупи. На меня долг не оформлен. Я туда приеду — только хуже сделаю.

Вот ведь удобно.

— Значит, мне ехать можно?

— Попробуй договориться. Объясни ситуацию. Может, разрешат отдавать частями.

Я опустилась обратно на стул. Всё ещё хотелось верить, что я неправильно его понимаю.

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь мне самой договариваться с братвой из-за твоего долга?

— А что ещё делать?

— Например, отвечать за то, что ты натворил.

И тут я вспомнила ещё об одном человеке, ответственность за которого Вадим тоже почему-то оставил где-то между старой и новой жизнью.

— А Арина?

— Что Арина?

От самого вопроса захотелось рассмеяться. Только смешного там уже ничего не было.

— Очень хороший вопрос. Ты уже неделю не живёшь дома. Ты хоть раз спросил, нужны ли ей деньги?

— Я же сказал, что буду помогать.

— Когда?

— Как только с проектом раскрутимся.

— А до этого она что должна делать? Тоже попробовать договориться?

— Я сейчас не могу тебе дать много.

— Я не спрашиваю «много». Я спрашиваю: что ты собираешься делать для собственного ребёнка?

Он начал раздражаться. Разговор всё никак не хотел заканчиваться удобным для него способом.

— Ир, ну не надо сейчас делать из меня отца, который бросил ребёнка. Я её люблю. Буду приезжать. Деньги появятся — буду давать.

Деньги появятся.

Удивительная система. Дочь подождёт. Долг подождёт. Я разберусь. Зато новый проект с Кристиной почему-то ждать не мог.

С Кристиной у него было будущее. Новые проекты. Новые деньги. Новая жизнь. Мне доставалось прошлое. Дочь. Долг. И все последствия решений, которые принимал он.

Вадим посмотрел на часы. Потом ещё раз, уже демонстративно.

— Мне правда пора. Меня ждут. Потом договорим.

— Вадим, никакого «потом» нет. Мне завтра ехать к этим людям.

— Ир, ну я сейчас всё равно ничего не решу. Правда, Ир. Не сейчас.

Он пошёл в прихожую. Обулся быстро, почти торопливо, снял с вешалки дублёнку.

И только теперь я окончательно поняла: он не собирался ничего решать. Ни сегодня. Ни завтра. Возможно, вообще никогда.

Да он сбегает! Трус.

На пороге Вадим обернулся.

— Ир, ну ты же всегда выкручивалась. Ты сильная. Ты справишься.

Вот она, оказывается, какая замечательная штука — сильная жена. Можно бросить её с ребёнком, оставить ей свой долг и успокоиться: ничего, не сдохнет.

А потом ещё и похвалить за силу характера.

В следующую секунду дверь захлопнулась.

Я стояла с открытым ртом и пыталась осознать происходящее.

Очень удобно. Особенно тому, кто ни за что отвечать не собирается.

Вадим отказался отвечать за долг. За семью. За собственную дочь. И ничего не произошло. Земля не разверзлась, милиция его не арестовала, небеса не потребовали немедленно вернуться и всё исправить. Он просто надел дублёнку и ушёл в свою новую жизнь. А его старая жизнь осталась со мной.

Итак, мужа у меня больше не было. Зато остались ребёнок, больная мама и двенадцать тысяч долларов долга.

Неплохой обмен. Особенно с учётом курса.

Но ничего страшного!

Вадим сказал, что я справлюсь.

Оставалось выяснить одну мелочь: как именно.

Глава 4. Дружба

Я проплакала всю ночь. Сильнее, чем после ухода Вадима.

Тогда было больно. Теперь — страшно. До настоящего отчаяния, когда сколько ни крути ситуацию в голове, выхода всё равно не находишь.

Маме я решила ничего не говорить. Ей сейчас требовались лекарства и спокойствие. Мои долги в рецепт точно не входили.

Что делать?

Если продать всё, что у меня было, братве хватило бы разве что на скромный ужин.

Двенадцать тысяч сразу я не найду. Значит, нужны были две вещи: время и работа, на которой можно зарабатывать не тысячу сто рублей в месяц.

С работой хотя бы появилась зацепка.

Лиза.

Мы дружили ещё с художки. Вместе рисовали гипсовые головы, прогуливали последние занятия, ездили на этюды и несколько лет совершенно серьёзно собирались стать великими художницами. Потом жизнь наши великие планы слегка подкорректировала. Я вышла замуж, родила Арину и осталась в Брянске. Лиза уехала в Москву и устроилась дизайнером.

Созванивались мы теперь редко. У обеих была своя жизнь, свои заботы. Но дружба никуда не делась. Просто стала междугородней.

Ещё в прошлом году Лиза звала меня к себе. Рассказывала, что дизайнеры в Москве нужны постоянно, работы много и деньги совсем другие.

Тогда я даже всерьёз не рассматривала её предложение. Куда ехать? Здесь Вадим, Арина, мама, работа. Здесь вся моя жизнь.

За последнюю неделю один пункт из списка самоустранился, а вместо него появилось двенадцать тысяч причин наконец прислушаться к Лизе.

Я набрала её номер, ни секунды не сомневаясь, что она поможет.

— Лиз, у меня проблемы. Большие, — выдала я вместо приветствия.

— Что случилось? — сразу спросила она.

— Вадим ушёл. К другой.

— Вот козёл, — вынесла Лиза короткий и, на мой взгляд, совершенно справедливый приговор.

— Это, Лиз, сейчас самая приятная часть истории.

— Ир, ты меня пугаешь.

— Он оставил на мне долг. Большой.

Лиза не перебила. А для неё это уже само по себе было серьёзным признаком.

— И что ты собираешься делать?

— Вот поэтому звоню. Помнишь, ты говорила про работу в Москве? Предложение ещё действует?

— Конечно действует. Приезжай, — ответила она сразу.

— Лиз, у меня ребёнок, денег почти нет и проблемы размером с небольшую африканскую страну. Я сейчас не в том положении, чтобы приехать и красиво начать новую жизнь.

— Первое время у меня поживёшь. Работу найдём.

— У тебя однушка.

— И что? Мы с тобой в художке в подсобке на двух табуретках спали. Как-нибудь разместимся.

— Я тебе даже не знаю, когда смогу за жильё платить.

— Господи, Вольская. Ты мне сейчас резюме квартиранта зачитываешь или помощи просишь?

— Помощи.

— Ну наконец-то. Тогда приезжай.

И всё. Без условий. Без процентов. Просто приезжай.

С будущим стало чуть понятнее.

Оставалось решить, как пережить завтра.

Единственный выход — договариваться. Просить, чтобы разрешили возвращать долг частями.

Только как с ними договариваться?

Ответ нашёлся неожиданно.

Витька Трошин. Мой друг детства и одноклассник. Лет с тринадцати весь район знал его как Танка.

Эта кличка прилипла после одной драки у гаражей. Витьку тогда хорошенько приложили металлической трубой по спине. А он вместо того, чтобы упасть, пошёл дальше на троих. Через несколько минут все трое уже лежали, а Витька всё ещё стоял.

И в разговорах он был таким же. Не орал, не суетился, не угрожал впустую. Просто давил спокойно и до тех пор, пока человек либо соглашался, либо начинал сильно жалеть, что не согласился сразу.

Ещё в школе он загремел по малолетке за грабёж. Но воспитательная колония Витьку почему-то не перевоспитала, и после освобождения он окончательно ушёл в криминал.

Чем именно он занимался сейчас, я не знала.

Зато знала другое: за своих Танк порвёт любого. А мы с ним всегда были в хороших отношениях.

***

Витьку я нашла в тот же день.

Встретились вечером. Я рассказала всё: про предательство Вадима и долги.

Танк дослушал до конца.

— Вот сучонок, — сказал он про Вадима. — Совсем берега попутал.

— Вить, мне надо с ними договориться. Чтобы разрешили платить частями. Сходи со мной, пожалуйста.

Он даже не задумался.

— Конечно, схожу. Сначала только выясню, кто они.

На следующий день Витька сам заехал за мной, и мы поехали на встречу.

По дороге он рассказал, что успел выяснить.

— Парни из Исаковских. В принципе, договориться можно. Я поговорю.

— А Вадим?

Танк выругался матом.

— Сучонка твоего они не тронут. У него теперь связи появились, есть кому за него впи-саться. Так что долг, похоже, тебе отдавать придётся.

Ну да. Себя он обезопасил. Про жену с ребёнком как-то забыл.

— Где деньги брать будешь?

— В Москве.

— Конкретнее?

— Я художку закончила, потом наш педагогический — изо и черчение. Лизу помнишь? Мы с ней ещё в художке вместе учились. Она в Москву уехала.

— Ну и отлично, — ответил Витька.

***

На старой овощебазе нас ждали трое.

Все трое в кожанках. Коротко стриженные, крепкие. У одного на пальце блестела тяжёлая печатка, другой лениво перебирал чёрные чётки. Третьего я уже видела у своей двери.

Тот, что с чётками, оказался Серым.

— Ну что, Ирина, — протянул он. — Как долг отдавать будем?

Подбородок я задрала повыше. Очень хотелось, чтобы со стороны это выглядело как смелость.

Молчала.

— Мужики, договоримся, — начал Витька. — Денег сразу нет. Будет отдавать частями.

Один из них подошёл ко мне.

— А может, деньгами и не надо?

Его ладонь вдруг легла мне на грудь и крепко сжала через куртку.

Я дёрнулась назад и ударила его по руке.

— Грабли свои убери.

Все трое заржали.

— Да ладно тебе. Чего целку строишь? Баба симпотная. Поработаешь годик на точке — ещё кайфанёшь. Уходить не захочешь.

— Руку от неё убрал, — спокойно сказал Танк, даже голос не повысил.

Смех закончился не сразу, но закончился.

— Ира со мной с детства. Наши отцы вместе работали. Ещё раз кто-нибудь её пальцем тронет — дальше уже со мной разговаривать будете.

Мужик отступил. По-видимому, проверять Танка на прочность никто особенно не рвался.

— Ты за неё вписываешься? — спросил Серый.

— Вписываюсь.

— Тогда если пропадёт — спрос с тебя.

— Не вопрос.

Вчера мой собственный муж объяснял мне, почему он ни за что не отвечает. А сегодня человек, который вообще ничего мне не был должен, добровольно принимал на себя чужой вопрос.

А дальше Витька начал разруливать.

— В натуре, мужики. Давайте по понятиям. Косяк не её — мужика её. Она не крыса, не кидала вас, не прячется. Бабу с ребёнком за чужой косяк щемить — западло. Хотите бабки делать — коммерсов щемите, их вокруг как грязи. А она вам долг закроет. Частями. Но отдаст.

Я слушала и тихо офигевала. Витька, похоже, родился дипломатом. Просто не в той семье.

К моему удивлению, братва постепенно перестала ухмыляться. Серый перестал перебирать чётки и слушал внимательно.

Танк продолжал:

— Она такая же, как мы, с района. Не мажорка, не упакованная какая. Сама пашет, мелкую тянет, мать больную на себе волочёт. Чё вы как волки позорные с неё последнее выжимаете? Таких не прессуют. Таким подняться дают. Тем более она пришла сама. Не бегает, не морозится. Значит, будет платить. Без кидалова.

— Сколько? — наконец спросил Серый.

Вот тут разговор уже пошёл не про понятия, а про деньги.

Суммы, сроки, число каждого месяца.

И я выдохнула: Танк их всё-таки продавил.

Серый ещё немного покрутил чётки.

— Ладно. Будешь платить каждый месяц. Без задержек. И прятаться не вздумай. Найдём.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня тяжело.

— День просрочки — и поедешь в бордель к братве общей подружкой долг отрабатывать. Танк второй раз тебя не вытащит. Поняла?

— Поняла.

Витька полез во внутренний карман куртки и достал несколько купюр.

Пятьсот долларов. Я таких денег разом в жизни не видела.

Он протянул их Серому.

— Первый платёж. И следующие три месяца девку не дёргаете. Пусть хоть немного поднимется.

Серый пересчитал деньги.

— Добро. Три месяца.

Потом ткнул чётками в мою сторону:

— Смотри, Ира, чтоб без движухи лишней.

До машины я дошла нормально.

А стоило закрыть дверь — всё моё геройство осталось где-то на овощебазе. Слёзы полезли сами.

— Вить… спасибо тебе. Если б не ты, я б с этой базы точно не домой поехала.

— Да хорош.

— Пятьсот долларов! Я тебе их вообще когда отдам?

— Не надо мне ничего отдавать. Считай, благотворительность.

Я уставилась на него сквозь слёзы.

— Вить, пятьсот баксов — многовато для благотворительности.

— Своим помогать надо, Ириш. Тем более ты же понимаешь, что заработаны они не совсем честным путём.

— Понимаю.

Каким именно нечестным путём были заработаны эти пятьсот долларов, уточнять я не стала.

Он довёз меня до дома

— Вить… Спасибо тебе. Правда.

— Да хорош, Ириш. По одному нас всех продавить можно. А когда за тебя есть кому вписаться — расклад уже другой.

Я его крепко обняла. И раз уж сегодня Витька спас мою жизнь, оставалось добить его ещё одной просьбой.

— Я сейчас немножко обнаглею. Но всё-таки спрошу. Займёшь рублей триста на дорогу до Москвы?

Глава 5. Цена

Москва. Март 2001 года

К девяти утра у меня на столе лежали три варианта сделки по покупке контрольного пакета акций промышленного предприятия ОАО «Энергокабель» в Свердловской области за восемьдесят миллионов.

Ни один меня не устраивал.

— Владимир Алексеевич, — сказал финансовый директор Красков. — Второй, на мой взгляд, оптимальный. Если сохранить действующее руководство предприятия, мы снизим операционные риски и…

— Нет.

Он замолчал.

Заключение аудиторов подтверждало ровно то, что я увидел ещё при первом просмотре. Цифры сами по себе проблемой не являлись. Проблемой обычно были люди, которые либо не умели их читать, либо рассчитывали, что я не стану читать внимательно.

— Здесь обязательства перед поставщиками на четыре миллиона восемьсот тринадцать тысяч. Почему они не учтены в стоимости?

— Они оспариваются.

— В каком суде?

Начальник юридического управления открыл папку.

— Иск пока не подан. Есть протокол разногласий и претензионная переписка.

— Тогда обязательства не оспариваются. Их просто не хотят платить.

— Но формально…

— Формально долг существует.

Дальнейшие расчёты были очевидны.

— Стоимость снижаем на всю сумму обязательств плюс десять процентов на риск. Действующего генерального директора увольняем сразу после перехода права собственности.

— Но, Владимир Алексеевич, при такой цене собственники могут отказаться.

— Значит, откажутся.

— Мы два месяца готовили сделку.

— И что? Потраченные два месяца не делают плохую сделку хорошей.

Начальник юридического управления предложил:

— Возможно, имеет смысл оставить генерального хотя бы на переходный период. У него связи с администрацией области, поставщиками и…

— Человек, который пытался скрыть от покупателя почти пять миллионов обязательств, не будет управлять моим активом ни одного дня.

— Но…

— Решение принято.

В комнате стало тихо. А меня устраивала тишина после правильно принятого решения.

— Новые условия собственникам отправить сегодня до двенадцати. Юридическому управлению — проверить все договоры за последние три года. Отдельно залоги, поручительства и взаимозависимых контрагентов. Если ещё что-то найдёте после подписания сделки, отвечать будете лично. Свободны.

Совещание закончилось. Красков, однако, остался.

— Владимир Алексеевич, я всё-таки считаю, что мы слишком жёстко…

— Ваше мнение я уже услышал.

— Я просто хотел объяснить…

— Не надо.

Объяснения появились слишком поздно.

— Вы должны были обнаружить эти обязательства до того, как документы попали ко мне. Не обнаружили. Теперь объяснения мне не нужны.

— Мы сделали всё, что могли.

Вот этого я особенно не любил.

— Нет. Вы сделали всё, что сочли достаточным. Оказалось недостаточно.

Мой отец фразы типа «мы сделали всё, что могли» и «старался» считал разновидностью оправдания. Их придумали люди, которым нечего предъявить вместо результата.

В детстве на мои объяснения он всегда отвечал одинаково:

— Сделал?

Если ответ был «нет», всё остальное значения уже не имело.

Ни усталость, ни причины, ни попытки.

Результат либо есть, либо его нет.

И в данном вопросе с отцом я был полностью согласен.

В этом была логика. Простая и вполне рабочая.

Когда Союз начал разваливаться, отец быстро понял одну простую вещь: власть меняла форму. Раньше она находилась в кабинетах, должностях и партийных билетах. Теперь — в собственности.

Он был партийным функционером. Связей и информации хватало, поэтому, после развала Союза отец стал скупать акции предприятий. Меня довольно быстро втянул в дела. Сначала переговоры и документы, потом поездки, директора, сделки. К началу девяностых я фактически стал его правой рукой.

У отца есть дочь от первого брака, моя старшая сестра. Бизнесом она никогда не занималась. С моей матерью он к тому времени тоже уже развёлся, поэтому наследство распределил заранее: сестре — деньги и недвижимость, предприятия и доли — мне.

В его логике всё было просто: делом должен заниматься тот, кто умеет его делать.

В девяносто пятом отца убили.

Передел собственности. Для тех лет почти обычная история.

Отец собирал активы несколько лет.

Заплатил за них жизнью.

Его смерть стала для меня не только личной трагедией. Она в одночасье изменила положение дел в бизнесе. Те, кто ещё вчера исправно выполнял обязательства, вдруг начали пересматривать договорённости. Некоторые партнёры решили, что теперь можно разговаривать со мной совершенно иначе. А кое-кто и вовсе посчитал, что настало подходящее время забрать то, что отец собирал годами.

Мне достались не только деньги. Вместе с ними — предприятия, обязательства, спорные пакеты, старые партнёры и желающие проверить, сумеет ли молодой сын удержать то, что удерживал отец.

Первые годы вопрос стоял не в том, сколько я заработаю. Вопрос был проще: сохраню ли то, что осталось.

Сохранил.

Потом начал приумножать.

Угрозы тогда тоже были обычным делом. Звонили домой, передавали через знакомых, однажды обстреляли машину. Охрана после этого стала такой же частью жизни, как водитель и ежедневник.

В кабинет вошла Вера Андреевна.

— На сегодня изменения. В час банк, в три металлурги, в пять юристы. В восемь звонок с немцами.

— Хорошо.

— Обед куда поставить?

— Некуда.

— Вчера тоже было некуда.

— Значит, сегодня ничего не изменилось.

Она положила передо мной ещё одну папку.

— Аудиторское заключение по Нижнему. Там всё проверили.

— Оставьте.

— Всё равно будете читать сами?

— Буду.

— Я так и думала.

Вера Андреевна вышла.

Последние лет десять я жил примерно одинаково: работа, машина, встречи, снова работа. Сон помещался туда, куда удавалось его вставить. Организм периодически пытался возражать. Я обычно не принимал возражения к рассмотрению.

К тридцати восьми годам у меня были предприятия, недвижимость, связи и почти не было дней, которые принадлежали бы только мне.

Работа давно перестала занимать часть жизни. Она просто заняла её целиком.

Власть редко достаётся бесплатно.

Отец заплатил за свою жизнью.

Мне пока обходилось дешевле. Временем. Сном. Нервами. Необходимостью всё проверять самому и никогда до конца не расслабляться.

Я считал цену приемлемой.

Глава 6. Выживание

Москва. Март 2001 года

За два года Москва доказала мне одну простую вещь: если очень хочешь работать, работа обязательно найдётся.

Много возможностей. Очень много.

Прямо столько, что потом начинаешь подозревать: надо было формулировать желания аккуратнее.

Когда Лизка два года назад уверяла, что в Москве дизайнер без куска хлеба не останется, я ей не особенно верила. А оказалось — не врала.

Работы здесь было полно. Особенно если соглашаться вообще на всё.

Через месяц после переезда я перестала бояться, что придётся возвращаться в Брянск. А ещё через три обнаружила, что работаю сразу в четырёх местах.

Раз уж пахать, то с размахом.

Первой работой у меня было свадебное агентство. Там я занималась свадебными декорациями, подбирала оформление, ездила по ресторанам, искала нужную ткань, цветы, свечи, ленты и ещё миллион вещей, без которых люди почему-то категорически не желали жениться.

Особенно мне нравились невесты.

У каждой второй было очень простое пожелание:

— Я хочу что-нибудь необычное.

— Например?

— Ну… красивое.

После таких объяснений сразу становилось значительно понятнее.

Но мне нравилось. Правда нравилось.

Очень скоро начальница даже начала отдавать мне небольшие свадьбы целиком.

Не только оформление. Всё. Ресторан, цветы, фотограф, машина, музыка, рассадка гостей.

Однажды пришлось даже искать сбежавшего за два часа до регистрации жениха.

Нашла. Женился. Не уверена, правда, что сделала доброе дело.

Кроме свадебного агентства было ещё праздничное. Там я оформляла корпоративы, юбилеи, презентации и всё остальное, что люди с деньгами считали достаточным поводом собрать много других людей с деньгами в одном помещении.

Третья фирма заказывала у меня макеты визиток.

Ничего особенного: фамилия, должность, телефон, логотип — и желательно, чтобы такой визитки больше ни у кого не было.

А по ночам были чертежи. Одной небольшой конторе постоянно требовался человек, который мог нормально начертить то, что их специалисты рисовали примерно в жанре «тут стеночка, тут что-то круглое».

В общем, работы хватало. Даже с избытком.

С деньгами тоже стало гораздо веселее.

Если бы мама узнала, сколько я теперь зарабатываю, она бы, наверное, упала в обморок. А мне потом ещё скорую вызывай, объясняй врачам, что женщина просто услышала московскую зарплату дочери.

Поэтому маме я называла другую сумму.

Ровно ту, на которую мы жили.

А всё остальное каждый месяц уходило в долг.

Иногда я получала деньги и не успевала толком порадоваться. Вот они появились. Вот я их подержала. Вот их уже нет.

Печально, конечно, зато долг уменьшался.

За два года я выплатила почти восемьдесят процентов долга.

Очень помогал Танк. Подкидывал мне то триста долларов, то пятьсот. А пару раз даже по тысяче. И я ему была безумно благодарна.

Платежи шли без задержек, поэтому Серый больше не напоминал про овощебазу, бордель и остальные перспективы моего карьерного роста.

А наша московская жизнь тем временем тоже постепенно устроилась.

Жили мы теперь втроём в съёмной однушке на окраине Москвы.

Арину я забрала в Москву через пару месяцев после переезда, потом перебралась и мама. С её медицинским образованием здесь быстро нашлась работа сиделкой. Платили больше, чем в больнице, а сил уходило меньше.

Арина ходила в садик.

Обычно её забирала мама. Если мама болела или уезжала в Брянск — соседка. Не могла соседка — я находила почасовую няню.

Система работала безотказно.

Мама. Соседка. Няня.

И где-то в самом конце — родная мать.

Просто к шести вечера родная мать обычно находилась на другом конце Москвы с декорациями под мышкой и очередным чужим праздником в голове.

Но я справлялась.

Или, вернее, выживала.

А способность выживать у нас в семье передавалась генетически. Предки пережили революцию, войну, голодные годы, дефицит. Родителям досталась перестройка. Мне — лихие девяностые.

Каждому поколению своё развлечение.

Когда страна начала разваливаться, наша семья решила не отставать.

Предприятие, на котором отец проработал почти двадцать лет, сначала перестало платить, потом окончательно закрылось. Отец остался без работы, запил и постепенно выключился из жизни.

В девяносто шестом у него случился инфаркт. Тридцать минут — и всё.

Мама всю жизнь работала медсестрой за зарплату, которой хватало примерно на то, чтобы продолжать работать медсестрой.

Потом у неё обнаружили рак.

Сейчас была ремиссия. Мы старались произносить это слово как можно увереннее, будто от интонации зависело, сколько она продлится.

Болезнь мало что изменила в маминых привычках. Она по-прежнему считала своим долгом накормить меня, присмотреть за Аришкой и переделать все домашние дела. Причём желательно раньше, чем я успею заметить, что они вообще существуют.

А на любой вопрос о самочувствии неизменно отвечала, что чувствует себя прекрасно. Мама делала вид, что убедила меня. Обе прекрасно понимали, что обманываем друг друга, но нарушать семейную традицию не собирались.

***

Домой я вернулась около девяти. Аришка ещё не спала.

На кухне горел свет, мама что-то убирала со стола. Стоило мне сесть, как дочь тут же забралась ко мне на колени и обхватила за шею.

Я обняла её и уткнулась носом в макушку.

— Соскучилась?

Она кивнула, прижимаясь крепче.

— Я тоже очень соскучилась.

Погладила её по волосам. Хотелось просто посидеть так хотя бы несколько минут и никуда больше не бежать.

— Ну, рассказывай. Как дела у моей девочки?

— Мам, я завтра в садик не пойду.

— Почему?

— Не хочу. Я с тобой хочу.

— Ариш… маме работать надо. Потерпи ещё немножко, хорошо? Если я не буду работать, у нас денег не будет. Ты же у меня умница.

Так. Стоп. Где-то я уже это слышала.

Повернула голову к маме, та стояла у плиты.

— Мам… ты ведь мне примерно то же самое говорила. Да?

Мама посмотрела на меня и вздохнула.

— Что именно?

— Потерпи. Будь умницей. Надо.

— Говорила.

— А тебе бабушка?

Мама тихо ответила:

— Конечно. А что ещё тогда было говорить?

Вот и приехали.

Бабушка учила терпеть маму. Мама — меня. Теперь я говорила своей дочери то же самое. Женщины в нашей семье поколениями учили друг друга терпеть, потому что другого способа жить просто не знали.

— Так мы никогда из этого не выберемся, — сказала я. — Из этого вечного «потерпи ещё немного».

Да, за последние два года многое стало лучше. Я зарабатывала. Выплачивала долг. Мы перебрались в Москву. В холодильнике теперь была хорошая еда. Но до нормальной жизни всё ещё приходилось добираться через очередное «потерпи».

Я ещё хотела что-то сказать, но вместо этого вдруг расплакалась. Не от Вадима, не от долга. Наверное, просто от усталости. От этих бесконечных «ещё немножко».

— Нет, — сказала я наконец. — Я так не хочу.

— Как? — спросила мама.

— Чтобы Аришка потом своей дочери говорила: потерпи, потому что по-другому мы не умеем.

Поцеловала дочь в макушку.

— Хватит, — сказала я, вытирая щёку. — Я сделаю всё, чтобы мы больше ни от кого не зависели. Чтобы никому ничего не были должны. И чтобы нам не приходилось всю жизнь терпеть.

Мама тихо заплакала. Арина подняла на меня глаза.

— Правда?

— Правда. И я уже знаю, с чего начну. Ещё немного встану на ноги и открою своё агентство. Я уже знаю, как всё работает. Знаю, где искать заказчиков и подрядчиков. У меня получится.

Мама подошла сзади и обняла меня за плечи. Арина сидела у меня на коленях, и какое-то время мы просто держались друг за друга втроём.

— У тебя получится, Ирочка.

Посмотрела сначала на дочь.

— Только мне нужна ваша помощь. Аришка, тебе пока надо ходить в садик. Но теперь мы хотя бы знаем, ради чего. Сейчас мы с тобой команда. Поможешь мне?

Она серьёзно кивнула.

Потом повернулась к маме:

— И ты, мамочка, помоги мне — не болей. Пожалуйста.

— Хорошо. Хорошо, я буду стараться.

Я крепче прижала к себе Арину.

— Всё у нас получится. Только давайте больше не терпеть. Давайте выбираться. И просто жить.

На следующий день начальница предложила мне новый заказ.

Я согласилась сразу.

Тогда мне казалось, что он станет просто ещё одним шагом к собственной жизни. Я ещё не знала, насколько большим.

Глава 7. Интересный тип

К полудню я уже была в банкетном зале загородного дома отдыха, где вечером отмечали пятилетие крупной компании.

Сто восемьдесят гостей. Партнёры, банкиры, чиновники, какие-то особенно важные люди, которых в списке отмечали красным.

Мне впервые доверили такое крупное мероприятие почти целиком.

Поэтому, конечно, именно сегодня всё решило пойти через одно место.

Флористы опоздали. Две скатерти привезли не того оттенка. У ведущего внезапно изменился райдер. А декоративную конструкцию у сцены собрали на двадцать сантиметров шире, чем было в моём чертеже.

В общем, обычный рабочий день.

К четырём часам я носилась между залом и служебным коридором с папкой в зубах, рулеткой в кармане и очень накрученными нервами.

— Ирина! — поймала меня наша администратор. — Бархатов приехал.

— Какой ещё Бархатов?

Она посмотрела на меня так, будто я спросила, кто сейчас президент России.

— Владимир Алексеевич. Заказчик. Нужно согласовать с ним перенос сцены. Иди к нему сама. А я пока флористов убью и вернусь.

— Как я его узнаю?

— Дорогой мужик с вечно недовольным лицом.

— Ладно.

Она убежала. А я подхватила деревянную раму для декоративной арки и потащила её к сцене. Там человек десять одновременно что-то двигали, крепили, распутывали провода и мешали друг другу работать.

Приставив раму к конструкции, попыталась закрепить верхний край.

Краем глаза заметила рядом какого-то мужчину.

— Мужчина!

Он повернулся.

— Да, вы. Подержите, пожалуйста. — Я сунула ему в руки свободный конец рамы.

Он машинально взял.

— Только ровно держите, а то сейчас всё поедет.

Снова отвернулась к креплению и принялась затягивать винт.

— Случайно не знаете, где здесь найти Бархатова?

Он промолчал. Пришлось повернуться к нему.

— Ну такой… дорогой мужик с вечно недовольным лицом, — уточнила я. — Он здесь главный главнюк.

Мужчина почему-то не спешил отвечать. Видимо, переваривал описание. Потом выдал:

— Это я.

Вот тебе и раз.

Я присмотрелась. Действительно дорогой. Костюм из тех, цену которых я предпочитала не знать ради собственного душевного равновесия.

Лет под сорок.

Высокий, плечистый. Тёмные волосы, серые глаза. Лицо резкое, собранное, будто даже чертам было запрещено располагаться как попало.

Красивый, между прочим. Только лицо действительно очень недовольное. Такое обычно бывает у людей, которым окружающий мир постоянно недодаёт качества обслуживания.

Атас… Всё-таки язык мне иногда стоило держать за зубами.

Хотя чего мне бояться? Два года назад мне обещали бордель за долги.

Снимут с проекта — переживу. Работы у меня и без него выше крыши. Зато хоть один выходной появится. Проведу его с Аришкой.

Даже звучит неплохо.

— А… Хорошо. Я Ирина.

С креплением наконец было покончено, а он всё ещё держал раму.

— Можете отпускать.

Он медленно убрал руки. Я ждала его реакции. Хотя бы раздражения. Или насмешки. Или того особенного взгляда, которым важные заказчики обычно сообщают, что ты только что совершила последнюю ошибку в своей карьере.

Ничего.

Лицо у него оставалось совершенно спокойным.

Вот это уже было странно.

— Владимир… — начала я и зависла.

Блин. Как же его по отчеству?

— Алексеевич, — подсказал он.

— Да. Владимир Алексеевич, мне нужно с вами согласовать схему.

Тут как раз я оставила раму в покое, достала папку и раскрыла план зала.

— Здесь нужно немного изменить расстановку. Сцену развернуть вот так, а ваш стол сместить левее, — я одновременно показывала ему руками, что и как передвигать. Он посмотрел то на схему, то на меня.

— Нет.

Ну конечно. А я уже успела подумать, что мы сейчас мирно договоримся. Наивная женщина.

— Почему нет?

— Ничего переносить не надо. Оставляйте первоначальный вариант.

— Первоначальный вариант плохой.

Он посмотрел на меня так, будто обычно после его «нет» разговоры как-то сами заканчивались.

— А меня он устраивает. Мероприятие, насколько я понимаю, моё.

— А организация мероприятия моя.

— Сцена уже установлена.

— Но монтажники не дождались меня и поставили её по старой схеме, которую делали до того, как администрация изменила расстановку столов.

— И?

Я ткнула пальцем в чертёж.

— Вот кухня. Вот служебный вход. Весь горячий сервис пойдёт отсюда. При нынешней расстановке официанты будут пересекать проход перед сценой.

— Можно пустить их с другой стороны.

— Нельзя. Там бар и колонна. Проход меньше метра.

— Расширьте.

Вот ведь человек.

— Владимир Алексеевич, у вас всегда так?

— Как?

— Если реальность не согласна с вашим решением, вы предлагаете реальности расшириться?

Люди рядом с нами внезапно начали работать значительно тише.

Кажется, им было интересно, сколько минут мне осталось до увольнения.

— Я уже поняла, что есть только два мнения: ваше и неправильное. Но при прежней расстановке будет хуже.

Владимир Алексеевич посмотрел на меня совершенно спокойно.

— Обоснуйте.

Ну наконец-то.

Я развернула план к нему.

— Если оставить сцену здесь, люди за дальними столами будут видеть ведущего через колонну. Официанты весь вечер будут ходить перед сценой и перед выступающими. Проектор сейчас стоит вот здесь. При таком угле свет попадает прямо на экран из окон. В семь вечера солнце будет как раз с этой стороны. Половину презентации никто не увидит.

Бархатов посмотрел туда, куда я показывала.

— Дальше.

— Поэтому разворачиваем сцену сюда. Колонна остаётся сбоку. Проектор работает нормально. Официанты ходят за гостями и никому не мешают. Ваш стол переносим на три метра левее — и вы видите и сцену, и весь зал.

— Сколько займёт перестановка?

— Сорок минут. Если никто больше не будет со мной спорить — тридцать.

Он ещё раз посмотрел на зал.

— Делайте.

Через минуту я уже орала монтажникам:

— Ребята, сцену разворачиваем! Да, всю! Нет, я не сошла с ума. Пока ещё.

Работа снова закрутилась. Кто-то потащил стойки, кто-то полез к проводам, официанты начали двигать столы.

***

К счастью, на этом неприятности закончились. Корпоратив шёл как по маслу. Можно было наконец перестать бегать и просто смотреть.

Я вообще любила наблюдать за людьми на мероприятиях. Через пару часов после начала официальный лоск обычно немного сползал, и становилось понятно, кто есть кто.

Один из директоров слишком усердно соглашался с начальником — старался выслужиться. Женщина в красном платье смеялась громче всех — явно хотела, чтобы её замечали. Молодая девушка всё время поправляла волосы, когда мимо проходил один и тот же мужчина.

Людей я вообще чувствовала хорошо.

Не мысли читала, конечно. Но мимику, интонацию, жесты замечала быстро и обычно довольно точно понимала, чего от человека ждать.

Девяностые вообще быстро учили смотреть по сторонам.

По разговору парней у подъезда можно было заранее понять, идти мимо или лучше сделать небольшой оздоровительный круг вокруг квартала. По голосу хозяина квартиры — имеет смысл просить отсрочку или проще сразу искать коробки для переезда. По лицу матери — увидеть, ей действительно лучше или она снова притворяется. В спорах и конфликтах — чувствовать, когда стоит отступить, а когда нужно наступать.

Короче, вовремя понять, чего ждать от человека, было полезнее, чем быстро бегать.

В Москве этот навык неожиданно пригодился ещё и в работе. Заказчик мог десять раз сказать, что всё прекрасно, но одного взгляда на оформление хватало, чтобы понять: сейчас начнётся. Невеста улыбалась декоратору — а я уже знала, какую именно арку через пять минут потребуют переделать. Подрядчик уверял, что всё успевает, но по первым трём предложениям становилось ясно: ничего он не успевает, просто пока ещё надеется на чудо.

Обычно нескольких минут хватало, чтобы понять, с кем имею дело.

Единственный раз эта система дала катастрофический сбой — с Вадимом.

Хотя звоночки были. Даже не звоночки — колокола. Прям набат.

Но я слишком сильно любила. Его предательство просто не укладывалось в мою картину мира. Поэтому все сигналы я замечала и тут же старательно объясняла себе, почему они ничего не означают.

Любовь вообще удивительно портит зрение. Особенно когда смотреть не хочется.

А с Бархатовым получалось иначе.

Один мужчина уже третий раз подходил к Бархатову и каждый раз каким-то заводил разговор о своём предприятии. Хотел чего-то делового. Другой смеялся над каждой фразой Бархатова чуть раньше остальных — явно очень хотел понравиться. Какая-то эффектная брюнетка несколько раз проходила мимо совершенно случайно. Настолько случайно, что на четвёртый раз случайность можно было официально регистрировать как маршрут.

Даже официанты возле него становились собраннее.

В общем, с окружающими всё было понятно.

С ним — ничего.

Он разговаривал со всеми одинаково спокойно. Кому-то пожимал руку, кого-то выслушивал, иногда улыбался. И я никак не могла определить, кто ему действительно приятен, кто раздражает, кому он доверяет, а кого через минуту забудет.

Минут через десять я поймала себя на том, что опять смотрю в его сторону. Он стоял у дальнего стола и разговаривал с каким-то мужчиной.

Очень содержательное наблюдение, Ирина. Мужчина стоит и разговаривает. Продолжай в том же духе.

Я переключилась на зал. Проверила официантов, ведущего, подачу горячего. Всё нормально.

Но через несколько минут уже снова наблюдала за Бархатовым.

В какой-то момент он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Попалась. Я, правда, не собиралась делать вид, что последние пять секунд с огромным интересом изучала стену. Поэтому спокойно выдержала его взгляд.

Бархатов тоже не отвёл глаз.

И опять — ничего. Ни вопроса, ни улыбки, ни раздражения.

Не поймёшь.

Если Вадима я не поняла, потому что не хотела видеть его предательства, то Бархатова не могла понять, потому что он ничего не показывал.

Глава 8. Интересная особа

На корпоратив одной из своих компаний я приехал около четырёх дня.

Партнёр, с которым мы должны были встретиться до начала мероприятия, опаздывал, и я от нечего делать прошёл в зал.

Подготовка ещё шла: двигали столы, прокладывали провода, собирали декорации.

Возле сцены я остановился и без особого интереса наблюдал за расстановкой столов. В голове я прокручивал разговор с партнёром.

— Мужчина!

Голос отвлёк меня от мыслей. У сцены девушка пыталась закрепить какую-то деревянную конструкцию.

На вид лет двадцать пять — двадцать семь. Русые волосы собраны кое-как, несколько прядей выбились и лезли ей в лицо. Большие глаза, выразительные черты, хорошая фигура. Красивая.

Впрочем, рассматривать её я не собирался. Особенно после того, как она решила использовать меня вместо монтажника.

— Да, вы. Подержите, пожалуйста.

Пока я решал, собираюсь ли вообще участвовать в этом процессе, она передала мне край этой деревянной конструкции.

— Только ровно держите, а то сейчас всё поедет.

Обычно со мной так не разговаривали. Тем более не привлекали к монтажным работам. Ситуация уже начинала раздражать.

— Случайно не знаете, где здесь найти Бархатова?

Я всё ещё не до конца понимал, как оказался с этой конструкцией в руках, а теперь она спрашивала у меня, где найти меня.

— Ну такой… дорогой мужик с вечно недовольным лицом, — продолжила она. — Он здесь главный главнюк.

Что? Главный кто?

Главнюк?

Или говнюк?

Да кто она такая, чтобы разговаривать с заказчиком подобным образом?

Вот нахалка!

Правда, судя по всему, она ещё не поняла, что заказчик стоит перед ней и держит её конструкцию. Я аж растерялся:

— Это я.

Надеялся, что теперь она хотя бы смутится.

— А… Хорошо. Я Ирина.

И всё. Ни испуга, ни извинений, ни попытки что-либо объяснить.

Нет! Она просто продолжила что-то там крепить.

Раздражение усилилось. Особенно раздражало, что я всё ещё держал эту деревяшку.

— Можете отпускать.

Я убрал руки.

— Владимир… — начала она и замолчала.

Она ещё и отчества моего, похоже, не знает. Ну вообще!

— Алексеевич, — пришлось подсказать.

— Да. Владимир Алексеевич, мне нужно с вами согласовать схему.

Через минуту выяснилось, что она хочет изменить расстановку зала.

— Нет.

— Почему нет?

Она вообще меня слышит? Я уже злился.

— Ничего переносить не надо. Оставляйте первоначальный вариант.

Эта Ирина стала объяснять про старую схему, служебный вход, официантов, колонну и проектор.

Моё раздражение никуда не делось. Но к концу объяснения стало очевидно другое: она была права. Причём не спорила ради самого спора. Знала, что делает, и могла объяснить почему. Это я уважал.

— Делайте.

***

Вечер в целом прошёл без проблем.

Я поговорил с нужными людьми, закрыл несколько вопросов, договорился о встречах на следующую неделю.

И периодически видел Ирину.

Лицо у неё вообще плохо умело сохранять нейтралитет. Недовольна — видно. Довольна — тоже. Что-то пошло не по плану — брови уже сообщили об этом раньше, чем она что-то сказала.

Особенно менялось лицо, когда она смеялась. Сразу становилось моложе.

Красивая женщина. Это я заметил ещё при знакомстве.

Красивых женщин вокруг меня всегда хватало.

Интереснее было другое.

Людей я обычно классифицировал довольно быстро.

Видел, кто чего стоит, чего хочет и насколько далеко готов ради этого зайти.

Ирина почти не сидела на месте. То появлялась возле сцены, то у столов, то уже разговаривала с официантами. При этом суеты в её действиях не было. Она просто постоянно что-то решала. Работала профессионально.

А ещё я умел понимать, кому и что от меня нужно.

Собственно, всем всегда от меня что-то было нужно.

В детстве родители ждали результатов, дисциплины и соответствия их представлениям о том, каким я должен быть. Сотрудники хотели повышения, партнёры — выгодных условий, чиновники — влияния, просители — денег, связей или решения проблем.

С женщинами тоже обычно всё становилось понятно достаточно быстро.

Одним были нужны деньги. Другим — положение. Третьим — то и другое.

Мотив всегда существовал. Нужно было только определить, какой.

С Ириной не получалось.

Узнав, кто я, осторожнее она не стала.

Понравиться мне не пыталась.

При этом и конфликт ей был не нужен. Получив возможность объяснить свою позицию, она привела аргументы и тут же вернулась к своим делам.

Никакой очевидной цели. Ни по отношению ко мне. Ни по отношению к другим.

Я снова посмотрел в её сторону.

Она разговаривала с помощницей, одновременно поправляя что-то на одном из столов. Через минуту уже смеялась над словами официанта. Ещё через две — совершенно серьёзно что-то объясняла ведущему.

Всё у неё менялось мгновенно. Интонация. Выражение лица. Даже движения.

И за этим было интересно наблюдать.

Через некоторое время я обнаружил, что снова знаю, где она находится.

Потом ещё раз.

Уже не случайность.

В какой-то момент Ирина посмотрела в мою сторону.

Я не отвёл глаз.

Она тоже.

Несколько секунд просто смотрела на меня. Не улыбалась, не кокетничала. Изучала. Судя по выражению её лица, пока без особого успеха.

Интересная особа.

К десяти вечера всё, ради чего мне имело смысл оставаться, было закончено. Можно ехать домой.

На улице ждала машина. Мой охранник сел впереди, а я — назад.

— Домой.

Водитель тронулся.

У крыльца я заметил девушку в куртке.

Ирина. Она переминалась с ноги на ногу и смотрела на пустую дорогу.

Можно было проехать мимо.

— Остановись, — сказал я водителю.

Водитель остановил машину. Я опустил стекло.

— Ирина?

— Да?

— Вы в город?

— Да.

— Садитесь. Подвезу.

Она отказалась. Сказала, что ждёт такси.

— Неизвестно, когда оно приедет. Садитесь.

Несколько секунд она ещё раздумывала.

Потом открыла заднюю дверь и села рядом со мной.

***

Первые десять минут мы разговаривали о мероприятии. Ирина подвела итог:

— В общем, ущерб нанесён только бюджету. Значит, всё прошло отлично.

— Да, это точно. Бюджет сильно пострадал. — Я рассмеялся. — У вас всегда такие критерии успешного мероприятия?

— К концу рабочего дня требования к жизни вообще сильно снижаются.

Она посмотрела на меня.

— А вы, кстати, всегда такой?

— Какой?

— Такой серьёзный.

— Не всегда.

— Сегодня, значит, мне не повезло.

Разговаривала она со мной совершенно свободно. Не подбирала слова, не старалась понравиться и говорила ровно то, что думала.

Большинство людей после знакомства со мной довольно быстро начинали учитывать, с кем разговаривают. Становились осторожнее, вежливее, иногда услужливее. Женщины чаще всего пытались понравиться.

За десять минут разговора Ирина ни разу не попыталась выяснить, чем именно я занимаюсь, сколько у меня компаний и кто из присутствующих мои партнёры. Фамилия Бархатов явно не вызвала в ней исследовательского интереса.

Зато спросила:

— Вы вообще на праздниках когда-нибудь отдыхаете?

— Да.

— Сегодня, видимо, не тот случай.

— Почему вы так решили?

— Вы весь вечер либо с кем-то разговаривали, либо кому-то звонили, — ответила она.

— Вы за мной наблюдали?

— Я за всеми наблюдаю. Работа такая. Не обольщайтесь.

— Поздно. Уже обольстился, — ответил я.

В этот момент зазвонил мой телефон. Разговор затянулся минут на десять. Закончив, я убрал телефон и повернулся к Ирине.

Она спала.

Надо же.

Сначала обозвала, отчество забыла, командовала мной, спорила со мной при всех, потом посоветовала не обольщаться и напоследок спокойно уснула в моей машине.

Никто из людей, с которыми я работал, такого себе ещё не позволял.

Во сне исчезла вся её бесконечная мимика, и впервые за вечер она выглядела просто уставшей.

Кто она вообще такая?

Мне хотелось узнать о ней больше.

Вскоре мы приехали.

— Ирина. Приехали.

Она открыла глаза.

***

— Большое спасибо. Всего доброго. — Она вышла из машины и закрыла дверь.

Я проводил её взглядом.

До подъезда оставалось метров десять.

Ирина пошла прямо, потом чуть левее. Её было хорошо видно через лобовое стекло.

Возле подъезда на лавочке сидел мужчина.

С цветами.

Высокий, молодой, примерно её возраста. Вполне привлекательный.

Увидев Ирину, он поднялся и пошёл ей навстречу.

— Подожди, — сказал я водителю.

Машина остановилась, а я подался вперёд между передними сиденьями, чтобы лучше видеть.

Мужчина подошёл к Ирине и протянул букет. Она его взяла.

Значит, ухажёр.

Мне это очень не понравилось. Причём настолько быстро, что я не сразу понял, почему вообще должен иметь по этому поводу какое-то мнение.

Я продолжал наблюдать.

Всё выглядело совершенно обычно.

Они о чём-то заговорили, но слов из машины было не слышно.

А дальше произошло то, чего я совершенно не ожидал.

Ирина шагнула ближе и резко ударила его коленом в пах.

— У-х-х-х! — мы втроём выдохнули одновременно.

Я рефлекторно прикрыл рукой собственный пах.

Водитель и охранник, судя по всему, тоже.

Мужчина сложился пополам, обеими руками зажав место удара.

Но Ирина не дала ему даже выпрямиться. Букет, который секунду назад выглядел вполне романтично, превратился в оружие.

Она начала бить этого бедолагу букетом по голове, спине, плечам. Мужчина пытался закрываться руками, но безрезультатно.

Цветы разлетались во все стороны. Стебли ломались. Лепестки летели по асфальту.

Мы с удивлением наблюдали эту картину.

Очень быстро от букета остались какие-то жалкие ошмётки.

И казалось, вопрос исчерпан. Но я ошибся.

Ирина отбросила остатки цветов, полезла в сумку и что-то достала.

— Что ещё? Это баллончик? — спросил водитель.

— Да ладно, — произнёс охранник.

Она сделала шаг назад, вытянула руку с баллончиком вперёд и брызнула мужчине прямо в лицо.

Тот дёрнулся назад, зажал глаза руками и опустился на колени.

Его вопль был слышан даже в машине.

Водитель первым не выдержал и рассмеялся. Охранник следом. Через секунду засмеялся и я.

Просто всё происходящее совершенно не укладывалось в нормальную последовательность событий.

Три минуты назад эта девушка спала у меня на заднем сиденье.

Теперь же перед ней на асфальте стоял на коленях взрослый мужчина, вокруг него валялись цветы, а Ирина убирала баллончик обратно в сумку.

Она совершенно спокойно поправила куртку и, не оглядываясь, пошла к подъезду, будто ничего особенного не произошло.

Через несколько секунд дверь подъезда закрылась за ней, а мы ещё продолжали смеяться, переваривая увиденное.

— Шайтан в юбке, — сказал водитель.

— Девчонка-то огонь, — отозвался охранник.

Я смотрел на закрывшуюся дверь подъезда.

Количество вопросов к Ирине только увеличилось.

Визуалы героев

Владимир Бархатов, 38 лет.

Москва, 2001 год.

Властный, умный, расчётливый, уверенный в себе. Сдержан в чувствах, жёсток в решениях, настойчив в достижении целей. Не терпит возражений, привык контролировать ситуацию и добиваться желаемого.

Ирина Вольская, 27 лет.

Москва, 2001 год.

Умная, красивая, с сильным характером и острым чувством юмора. Эмоциональная, искренняя, упрямая. Не теряет оптимизма даже в самых сложных обстоятельствах. Не терпит давления и привыкла рассчитывать только на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.